

СОВРЕМЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ ЗА РУБЕЖОМ

© 2018 г. С. Рязанцев, Е. Письменная, А. Лукьянец,
С. Сивоплясова, М. Храмова

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76; Институт социально-политических исследований РАН, РФ, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1 (riazan@mail.ru).

ПИСЬМЕННАЯ Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, РФ, 125993 Москва, Ленинградский пр-т, 53; Институт социально-политических исследований РАН, РФ, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1 (nikitaR@list.ru).

ЛУКЬЯНЕЦ Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76; Институт социально-политических исследований РАН, РФ, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1 (artem_ispr@mail.ru).

СИВОПЛЯСОВА Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (МАИ), РФ, 125993 Москва, Волоколамское шоссе, 4, А-80, ГСП-3; Институт социально-политических исследований РАН, РФ, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1 (svetlankamos84@rambler.ru).

ХРАМОВА Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76; Институт социально-политических исследований РАН, РФ, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1 (kh-mari08@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 28.08.2017.

В статье выделяется три новых волны эмиграции из России после распада СССР на основе выталкивающих факторов, преобладавших в тот или иной период новейшей истории страны. Рассматривается социально-демографическая структура эмиграционных потоков из России. Дана характеристика источников информации и примерная оценка численности русскоговорящих мигрантов за пределами страны на основе данных российской и зарубежной статистики. Описаны подходы к идентификации русскоговорящего населения за границей. Выделены последствия эмиграции для России на основе трех авторских методов: метода оценки прямых демографических потерь, метода оценки вклада эмиграции в демографическое развитие и метода экономических потерь. Рассматривается эволюция эмиграционной политики России на протяжении 1990–2015 гг.

Ключевые слова: эмиграция, русскоговорящие сообщества, тренды, последствия, Россия, факторы, эмиграционные волны, экономические оценки, демографические потери.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107

ЭТАПЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ

В российской и зарубежной научной литературе достаточно детально описаны исторические этапы российской эмиграции. Как правило, исследователи выделяют пять эмиграционных волн из Российской империи, СССР и России. В качестве последней, пятой волны эмиграции обычно рассматривается эмиграция после распада Советского Союза. Наше исследование показывает, что выталкивающие факторы и мотивы эмиграции

русских граждан существенно отличались на протяжении 1991–2017 гг. Это позволяет выделить как минимум три волны современной эмиграции из России. Основными разделительными рубежами современных эмиграционных волн можно считать политические и экономические кризисы, произошедшие в постсоветской России, существенно повлияв на мотивацию и масштабы эмиграции.

Первая новая волна (1991–1998 гг.). В этот период времени преобладали стрессовые и этнические мотивы эмиграции. К факторам, обусловившим

данную мотивацию российских эмигрантов, можно отнести распад СССР, который президент В. В. Путин справедливо назвал “одной из самых великих катастроф для России в XX веке”; сложную социально-экономическую ситуацию; отсутствие перспектив жизни в стране. Опросы, проведенные в постсоветской России, показывали, что подавляющая часть россиян желала бы выехать за границу. Усилилась вынужденная эмиграция, большая часть россиян получала статус беженцев, прежде всего в США, Канаде, Европе. Однако вскоре многие страны вычеркнули РФ из списка государств с небезопасными условиями, необходимыми для предоставления статуса “беженцев”. Статус присваивался только представителям некоторых социальных и этнических групп россиян. Началась брачная эмиграция – российские женщины выезжали за границу в поисках мужей. Также началось массовое усыновление иностранцами российских детей. Важным каналом стала этническая эмиграция немцев в Германию, евреев в Израиль, греков в Грецию, которая стимулировалась также политикой стран приема. Появились “челноки” – коммерсанты, которые выезжали за товарами в Польшу, Турцию, ОАЭ. Некоторые россияне “осели” на постоянное место жительства в этих странах, открыв бизнес, создав компании и фирмы, став успешными предпринимателями, а затем и гражданами этих стран.

Вторая новая волна (1998–2008 гг.). Факторы, обуславливавшие эмиграцию, изменились. Прежде всего усилилась трудовая мотивация и как следствие – трудовая эмиграция. Россияне достаточно успешно освоили зарубежные рынки труда, стали находить там работу. Финансово-экономический кризис 1998 г. вызвал новый отток населения за границу. Появились российские инвесторы, вкладывавшие деньги в зарубежную экономику. Наглядным примером стали российские “нувориши” (“олигархи”), которые стали активно покупать недвижимость, открывать бизнес за границей, перевозить детей и семьи за рубеж. Первым местом стал Лондон, открывший двери для российских денег. Зачастую эмиграция была мотивирована желанием вывезти из страны деньги, заработанные не всегда законным путем, а также разногласиями между держателями капиталов и российскими властями. В настоящее время российские олигархи и их инвестиции обнаруживаются практически по всему миру. Продолжалась эмиграция российских женщин и детей. Особую форму приобрела вынужденная эмиграция, поскольку были значительно сокращены каналы предоставления статуса “беженцев” российским гражданам. В это время активно подавали заявления на

убежище люди, выдавшие себя за “чеченцев” или “жителей Чечни”, хотя далеко не все таковыми являлись. Однако исход из зоны военных действий в Чечне оставался одним из немногих факторов, который признавался западными странами в качестве условия предоставления статуса беженца выходящим из России.

Третья новая волна (2008–2017 гг.) представлена в большей степени экономической мотивацией, а в потоки эмигрантов включились представители среднего класса, бизнесмены, инвесторы, образовательные мигранты, высоко- и квалифицированные специалисты, пенсионеры. Фактически произошел переход от стрессовых (вынужденных) факторов эмиграции к социально-экономическим. Наиболее значимыми “притягивающими” условиями в странах приема являются высокий уровень оплаты труда, возможность реализации своих профессиональных возможностей, доступность путешествий, дешевизна жизни, большой комфорт, благоприятные климатические условия. Существенно расширилась социальная база эмиграции: в нее активно включились россияне из провинции, люди со средним уровнем образования, женщины, молодежь, пенсионеры [1]. Формами эмиграции из России стала не только эмиграция на постоянное место жительства, но и разнообразные временные формы миграции (трудовая, учебная, религиозная, туристическая, сезонная и пр.). Многие россияне в буквальном смысле живут “на две страны” – в России и за рубежом, имея за границей недвижимость и бизнес, а порой и вид на жительство и второе гражданство [2]. Зачастую различные причины и формы эмиграции тесно переплетены в случае отдельного человека и семьи.

МАСШТАБЫ И КАНАЛЫ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ

Источники информации об эмиграции из России можно разделить на две категории. Первая – данные об миграционных потоках из России, а вторая – данные о численности (контингентах) российского населения в принимающих странах. Первая категория характеризует процесс, а вторая – результат эмиграции. Основные трудности оценки масштабов и каналов эмиграции из России связаны с неэффективной системой статистического учета временных форм миграции в России в целом, а также эмиграции в частности. Специфическими трудностями учета временных форм эмиграции из России являются: 1) “привязка” учета эмиграции к системе регистрации (“прописки”), а именно к факту снятия с регистрационного учета только при выезде на постоянное место

жительство за границу; 2) отсутствие координации между статистикой МВД (фиксирует регистрацию по месту постоянного жительства и временного пребывания) и Пограничной службы ФСБ (фиксирует факты пересечения границы); 3) отсутствие эффективной системы учета российских граждан, проживающих и находящихся за пределами РФ, через органы МИД; 4) отсутствие координации Росстата с национальными статистическими службами принимающих стран относительно численности российских граждан.

Статистический учет эмиграции в России был традиционно ориентирован на фиксацию потоков эмигрантов на постоянное место жительства. Временные формы эмиграции существенно недооцениваются. Между тем многие российские граждане эмигрировали, сохранив жилье и регистрацию по месту жительства (“прописку”), и остались абсолютно незаметными для государства. А российские власти продолжают по-прежнему фиксировать и считать эмигрантами только тех, кто снялся с регистрационного учета по месту жительства. Можно выделить несколько форм временных миграций, которые не фиксируются российской системой учета эмиграции. Во-первых, это приобретение недвижимости за границей с последующим переездом. Во-вторых, работа за рубежом по контрактам различной продолжительности или без официальных контрактов. К первой категории относятся высоко- и квалифицированные специалисты (инженеры, ученые, программисты, преподаватели и пр.), которые трудоустроивались через официальные контракты (приглашение от работодателя, виза, разрешение на работу в стране и пр.). Ко второй категории можно отнести неквалифицированных работников, искавших работу через Интернет и по неформальным каналам, многие из них выехали по туристическим визам и потом искали работу, пытаясь задержаться за границей. Кроме того, распространенными каналами эмиграции стали браки россиянок с иностранцами, усыновления детей иностранными гражданами, выезд студентов на временную работу и учебу, выезд пенсионеров на проживание в другом государстве. Все эти формы эмиграции современная российская статистика как будто бы “не замечает” и не фиксирует. Поэтому, будучи масштабным и значимым с точки зрения социально-демографических последствий феноменом для общества, эмиграция остается для российского государства лишь частично осязаемой.

Остановимся на краткой характеристике статистических источников об эмиграции из России. Во-первых, это данные *Федеральной службы*

государственной статистики (Росстата). Они показывают численность граждан РФ, выехавших на постоянное место жительства за рубеж, формируются на основе данных о снятии с регистрационного учета по месту жительства и публикуются в сборниках “Численность и миграция населения Российской Федерации” и “Демографический ежегодник России”. В эти цифры долгое время не попадали временные трудовые и учебные эмигранты. В 2011 г. были изменены условия учета иностранных граждан в РФ, “бумерангом” нарушившие статистику об эмиграции российских граждан, в которую стали автоматически попадать сведения об истечении срока регистрации иностранных граждан, находившихся в России более девяти месяцев. В результате “чистая” статистика об эмигрантах из России была “дополнена” и, соответственно, серьезно искажена иностранными гражданами, находившимися на российской территории. И если по итогам 2011 г. “порча” данных об эмиграции была еще незначительной, то в 2012 г. она была кардинально нарушена. Например, в 2010 г. (старая система учета эмигрантов) из России в Узбекистан эмигрировало только 834 человека, в 2011 г. (новая система) — уже 2207 человек, а в 2014 г. — 94173 человека. Совершенно очевидно, что Узбекистан не мог стать таким популярным направлением эмиграции российских граждан. В данном случае статистика стала включать узбекистанских граждан, у которых закончилась регистрация по месту пребывания в РФ. Причем теперь даже непонятно, выехали ли они из России [1].

Данная “неразбериха” со статистикой совершенно перевернула список стран — основных направлений эмиграции. Если в 2010 г. среди лидеров находились Казахстан, Украина, Германия, Белоруссия, США, то в 2014 г. новыми направлениями эмиграции российских граждан вдруг стали Узбекистан, Таджикистан, Украина, Армения, Китай. Новый список стран — лидеров по постоянной эмиграции стал удивительно напоминать в “зеркальном отражении” список стран — основных поставщиков временных трудовых мигрантов в Россию. Очевидно, что в этой статистической “неразберихе” для оценки реальных направлений эмиграции из России разумнее брать государства, расположенные за пределами бывшего СССР, поскольку, как показывают социологические опросы, эмиграционные ориентиры большинства российских граждан устремлены отнюдь не в страны СНГ. Данный факт подтверждают исследования общественного мнения. В частности, опросы РОМИР, проведенные по единой методике

в 2005 и 2012 гг.¹, зафиксировали устремления российских граждан на эмиграцию именно в страны “дальнего зарубежья”. Правда, если в 2005 г. около 19% городских жителей России хотели эмигрировать, то в 2012 г. их доля составила уже около 31%. При этом географические приоритеты эмиграции россиян стали более разнообразными. Например, в 2005 г. более половины опрошенных (51%) хотели эмигрировать в европейские страны, 23% – в США и Канаду, 18% – в Австралию и Новую Зеландию. В 2012 г. при сохранении лидирующих позиций европейских стран (37%) возросла роль Австралии и Новой Зеландии (23%), Японии и стран Юго-Восточной Азии, а также стран Латинской Америки (почти вдвое). Эмиграционные установки на США и Канаду среди россиян несколько сократились – до 19% [3]. Опираясь на эти результаты, можно выделить перечень стран, наиболее популярных среди эмигрантов из России в 2014 г. по данным Росстата. Однако следует учитывать, что данные по Китаю, КНДР, Вьетнаму, Турции существенно “испорчены” трудовыми мигрантами, а по Индии – учебными мигрантами, у которых истек срок регистрации в РФ. Отделить их четко в статистике, к сожалению, не представляется возможным. Получается парадоксальная ситуация, в результате улучшения статистики об иммиграции (“досчет” временных мигрантов, пребывающих в стране более девяти месяцев) значительно ухудшилась статистика об эмиграции за границу [1].

Во-вторых, данные *Федеральной миграционной службы (ФМС) и Министерства труда и социального развития (Минтрудсоцразвития) России*. ФМС была передана в состав МВД с июня 2016 г., сейчас сбор этих данных ведет Минтрудсоцразвития. Существует значительный недоучет трудовых эмигрантов, поскольку фиксируются российские граждане, выехавшие на работу за границу исключительно через фирмы, имеющие право (лицензию) на трудоустройство за рубежом. Сведения публикуются в сборнике “Труд и занятость в России” (один раз в два года). Результаты исследований, в том числе социологических опросов, показывают, что многие россияне находят работу за рубежом самостоятельно, в том числе через социальные сети и Интернет. В результате масштабы временной трудовой эмиграции из России в разы выше, чем это показывают данные

ФМС и Минтрудсоцразвития. Согласно этим данным ежегодные масштабы временной трудовой эмиграции из России через официальные каналы составляют 60–70 тыс. человек. В 2015 г. более 57 тыс. российских граждан выехали на работу за рубеж, из них большинство направилось в весьма “экзотические” страны (такие как Либерия, Кипр, Маршалловы Острова, Мальта, Антигуа и Барбуда, Панама, Багамские Острова, Барбадос и др.). Это обусловлено эмиграцией моряков, инженеров, техников, механиков и обслуживающего персонала судов (28% всех российских трудовых эмигрантов приходится на эти профессии). В 2015 г. более 94% всех трудовых российских эмигрантов были работниками на судах с иностранными флагами. Например, Либерия, как основная страна эмиграции россиян, еще в 70-е годы минувшего века одной из первых в мире открыла международный судовой регистр. В итоге, сейчас это первая по тоннажу морского флота страна. Многие российские судовладельцы “приписали” суда к Либерии. И теперь набирают персонал на них из числа российских граждан. Аналогично Кипр, который был долгое время страной с офшорным режимом налогов. Сюда были вывезены и инвестированы значительные российские капиталы (открыты банки, магазины, фирмы, школы), что потребовало русскоговорящего персонала. Из стран “классической” эмиграции для россиян в 2015 г. имели важное значение Нидерланды (4-е место), Германия (8-е), США (9-е), Норвегия (10-е место) [4]. В последние годы стали популярными “новые” направления трудовой эмиграции (страны Азии, Латинской Америки, Австралия, Новая Зеландия). Сравнительный анализ российских и зарубежных источников показывает, что масштабы трудовой эмиграции россиян могут быть выше в 3–4 раза и составляют 150–200 тыс. человек ежегодно [5].

Согласно российской статистике, в 2015 г. более 95% российских трудовых эмигрантов – мужчины. Распределение трудовых эмигрантов по возрасту выглядит следующим образом: 25% приходится на людей в возрасте 40–49 лет, 25% – 18–29 лет, около 24% – 30–39 лет, приблизительно 14% – 50–54 года. На международном рынке труда востребованы россияне молодых и средних возрастов, со средним специальным (38%) и высшим образованием (49%). Около 81% трудовых эмигрантов из России выехали в 2015 г. по краткосрочным контрактам до шести месяцев, а 18% – по среднесрочным контрактам от шести месяцев до одного года. Достаточно заметным является поток студентов в период каникул, которые направляются прежде всего на работу в США и страны Европы: в 2015 г. 2.3 тыс. человек было трудоустроено через

¹ В опросах принимали участие 1 тыс. респондентов в возрасте от 18 до 50 лет и старше, которые проживают в городах с населением от 100 тыс. и больше, из восьми федеральных округов. Выборка репрезентирует взрослое, экономически активное городское население России.

фирмы. Интересные сравнения можно провести на основе информации о видах экономической деятельности российских граждан за границей до и после выезда. Например, в 2015 г. по российским данным около 91% трудовых эмигрантов работали до эмиграции в транспортной отрасли, а после переезда за границу их доля составила 92%. И только около 5% всех эмигрантов ранее не работали в России, но были трудоустроены за границей [1].

Российские источники свидетельствуют о том, что в трудовую эмиграцию более активно вовлечены жители приграничных и прибрежных регионов страны, в которых есть порты и была традиционно велика занятость в транспортной отрасли (в Приморском, Хабаровском, Краснодарском краях, Калининградской, Ленинградской областях). Можно выделить достаточно устойчивые географические направления трудовой эмиграции: население Дальнего Востока выезжает на работу в государства Азиатско-Тихоокеанского региона (Японию, Корею, Китай, Австралию, Новую Зеландию, Таиланд, Камбоджу и др.); жители Северо-Западного региона направляются в европейские государства (Германию, Норвегию, Швецию, Финляндию и пр.); эмигранты из европейских регионов направляются в Европу, США, Канаду; на страны Ближнего Востока (Кипр, Израиль, Турцию, ОАЭ) ориентированы в большей степени жители европейских регионов и Северного Кавказа [6; 7]. Интервью с экспертами и мигрантами показывают, что временная трудовая миграция часто трансформируется в постоянную: многие россияне, выехав как трудовые эмигранты, остаются на постоянное место жительства в принимающих странах.

В-третьих, данные *Министерства образования и науки (Минобрнауки) России* по численности российских детей, усыновленных иностранцами. Данный феномен представляет собой масштабное, но странное для российской демографической ситуации и демографической политики явление. С одной стороны, на протяжении долгих лет в стране говорится и многое делается для увеличения рождаемости и укрепления семейных отношений. С другой стороны, позорным явлением остается масштабное социальное сиротство и большое число брошенных родителями детей. В результате российские дети усыновляются гражданами иностранных государств. Конечно, многие из них обретают родителей и счастье, но за пределами РФ. И хотя Российское государство не берет за усыновление плату с иностранцев, это делают посредники, которые подбирают иностранным усыновителям ребенка в России за 50–60 тыс. долл. Фактически последняя вовлечена в узаконенную

форму торговли людьми. Однако прямые запреты (в 2005 г. был принят закон “Димы Яковлева”, не позволяющий усыновление российских детей гражданами США) не решают принципиально проблемы. И хотя по официальным данным Минобрнауки количество детей без попечения родителей сокращается в последние годы, их численность остается значительной – более 87 тыс. человек в 2015 г. Главное, что за этими цифрами стоят широко распространенные в российском обществе материальные и моральные проблемы (бедность, потеря жизненных ориентиров, деградация семейных ценностей, социальные девиации, алкоголизм и пр.), провоцирующие торговлю детьми.

Может показаться, что российские законы в вопросах усыновления детей иностранцами разумны. В частности, они устанавливают приоритет на усыновление собственными гражданами перед иностранцами: “Усыновление (удочерение) детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами... допускается только в случаях, если не представляется возможным передать таких детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, ... либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников”. Также законом устанавливается значительный срок необходимости пребывания ребенка в федеральном банке данных – 12 месяцев. Но на практике все эти положения закона рушатся перед потоком денег, который вращается в этой сфере. На местах чиновники нередко вступают в сговор с посредниками, заинтересованными заработать на международном усыновлении. Наглядный пример – “Дело Надежды Фратти”, когда итальянская гражданка, родом из Волгограда, поставила на поток усыновление детей из России в Италию. Взятки стимулировали чиновников искусственно отказывать российским гражданам в усыновлении, а после истечения срока пребывания ребенка в банке данных он передавался на усыновление за границу. Вроде бы суровый закон был обойден. Согласно данным Минобрнауки в результате международных усыновлений в 2004–2014 гг. эмигрировали около 48 тыс. российских детей за границу. Основной страной усыновления были США. Так, по данным американской статистики (до запрета на усыновления) российские дети были вторыми после китайских по усыновлениям американскими гражданами. Значительное количество российских детей усыновляли граждане Испании, Италии и ряда других стран. Конечно же, с точки зрения личной ситуации ребенка обретение им приемных родителей есть большое человеческое счастье. Иностранцы усыновляют и больных детей, которых

в России вряд ли кто-то бы вылечил. И даже проблемы с некоторыми российскими детьми, которые попали к нерадивым и жестоким родителям за границей, все-таки были исключением из правил. Однако с точки зрения национальных интересов России все выглядит не лучшим образом. Наличие большого числа беспризорных и брошенных детей, а также “торговля” ими просто категорически противоречат интересам государства и представляют собой прямые демографические потери страны. Следует отметить, что положение России в ряду стран, из которых происходят массовые усыновления и торговля детьми, просто портит имидж страны на международной арене.

В-четвертых, данные *Министерства иностранных дел РФ* определяют на основе регистрации в российских консульских учреждениях временно или постоянно проживающих российских граждан за границей. Преимуществом можно считать относительную легкость фиксации и четкие критерии учета российских граждан. Многие граждане России, проживающие за рубежом, обращаются в консульские учреждения для получения новых заграничных паспортов, получение свидетельств о рождении детей, заверения документов, запроса официальных справок, оформления доверенностей, участия в российских выборах. Но у многих российских граждан, проживающих за границей, отсутствует мотивация обращения и регистрации в консульствах. Данное обстоятельство признают и сами российские дипломаты. Основной недостаток этой статистики – охват исключительно тех граждан РФ, которые имеют мотивацию к регистрации в консульстве, и, как следствие, существует их значительный недоучет. На официальном сайте МИД сообщается, что в 2016 г. более 2 млн российских граждан было зарегистрировано в консульских учреждениях [8]. Однако цифра представляется сильно заниженной. По оценкам дипломатов, только 10–30% из реально находящихся за границей соотечественников регистрируются в консульских структурах. Проведенные интервью показывают, что многие россияне слабо ориентированы на взаимодействие с официальными представителями российского государства за рубежом.

В-пятых, данные *Пенсионного фонда России (ПФР)*, имеющего сведения о численности российских пенсионеров, получающих пенсию за границей. Между тем недостатком данной статистики является то, что не все российские пенсионеры, живущие за рубежом, получают там пенсию. Как показывают интервью, некоторые периодически ездят за ней в Россию, оформляя доверенности на родственников, а фактически живут в Болгарии,

Турции, Португалии, Испании, Таиланде, Китае и других странах. В то же время некоторые российские пенсионеры, которые живут за границей, не получают пенсию по каким-то причинам. Согласно законопроекту “Об особенностях выплаты пенсий пенсионерам, постоянно проживающим за рубежом” планируется не выплачивать пенсии российским гражданам, которые в течение последних 12 месяцев более 183 дней пробыли за границей. Также прекращение выплат предусмотрено для пенсионеров, которые сменили или получили второе гражданство. В 2017 г. в Госдуму был внесен законопроект, по которому единовременную выплату в 5 тыс. руб. получают пенсионеры, проживающие только на российской территории. Согласно данным ПФР, к началу 2016 г. около 288 тыс. российских пенсионеров проживали и получали пенсию за рубежом, в том числе в Германии (100 тыс. человек), Израиле (41 тыс.), Абхазии (32 тыс.), Латвии (24 тыс.), США (22 тыс.), Белоруссии (21 тыс.), Молдавии (17 тыс.). В 2015 г. ПФР выплатил за границу 36 млрд руб. [9]

В-шестых, *статистика принимающих стран*, которая собирается и публикуется национальными статистическими службами. На международном уровне сведения обобщаются *Отделом народонаселения ООН и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)*. Наиболее системным источником информации можно считать доклад ОЭСР “Обзор миграции”, который обобщает сведения по большинству экономически развитых стран и некоторым развивающимся странам. Доступны три вида данных по гражданам России: 1) численность прибывших мигрантов в ежегодной динамике; 2) численность российских граждан, получивших гражданство принимающих стран в ежегодной динамике; 3) численность людей, родившихся в России, но проживающих на территории принимающей страны в ежегодной динамике; 4) численность граждан России, проживающих в стране в ежегодной динамике. Но полнота данных зависит от конкретной страны. Интересно, что некоторые государства на протяжении нескольких лет после распада СССР использовали категорию “граждане бывшего СССР” без деления на граждан 15 стран. Наиболее наглядный пример – Израиль, в котором по-прежнему собираются данные по категории “граждане бывшего СССР”. Ранее данной категорией в статистике оперировали Германия, Венгрия и другие страны.

Парадоксально, но зарубежная статистика фиксирует большую численность россиян за границей и более адекватно отражает масштабы явления российской эмиграции. Наиболее значительным

миграционный приток граждан России в 2013 г., согласно национальным источникам, отмечался в Германию, Испанию, Израиль, Францию, Австрию. Сопоставление данных зарубежных стран с российскими показывает, что они в разы выше. Например, по Испании – в 22 раза, по Франции – в 14 раз, по Германии – в 8 раз [4; 5]. Сведения по въезду российских граждан в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Великобританию не отражаются в докладе ОЭСР по причине их незначительности на фоне миграционных потоков из других стран. Но для России масштабы эмиграции в эти государства значительны. Например, по информации службы пограничной безопасности США в 2014 г. около 9 тыс. человек, родившихся в России, получили законный статус постоянного жителя страны. Это составило менее 1% от всех иммигрантов в США (страна в 2014 г. приняла 1017 тыс. иммигрантов). При сравнении американских и российских показателей можно увидеть превышение в 5–7 раз [4; 10; 11; 12]. Это означает, что число выходцев из России значительно больше, чем показывает российская статистика.

ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОГОВОРЯЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ И ГРАЖДАН РФ ЗА РУБЕЖОМ

Важным методологическим вопросом исследования русскоговорящих сообществ за рубежом представляются подходы к идентификации русских и уроженцев России в контексте доступной статистики. Остановимся на основных подходах. Первый подход – *этнокультурная идентификация* – используется в переписях и опросах – людям предлагается идентифицировать себя с какой-то этнической группой (принцип самоидентификации) [13]. В переписном листе обычно задается вопрос об этнической или расовой принадлежности (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.). Преимуществом подхода является возможность охвата значительных групп русскоязычного населения, которые идентифицируют себя как русские на основе психологических, эмоциональных, исторических, культурных аспектов. К недостаткам можно отнести некоторую потерю части русскоязычного населения, которое успешно интегрировалось в принимающих общества и отказалось по разным причинам от русской идентичности. Рассмотрим пример США, в которых в 2000 г. называли себя русскими (скорее всего, в этносоциальном контексте) около 2.6 млн человек, к 2010 г. численность русских увеличилась до 3.1 млн [14]. Примерно эту цифру подтвердила в одном выступлении официальный представитель МИД России

М. Захарова: “...в США общее число соотечественников, являющихся гражданами США, либо имеющих статус постоянных жителей, составляет порядка 2.5 млн человек. Всего выходцев из бывшего СССР в США проживает до 7 млн человек” [15].

Второй подход – *географическая идентификация*, которая определяется в ходе переписей на основе вопроса: “В какой стране Вы родились?”. Такую статистику собирают многие страны (США, Канада, Австралия и др.). Преимущество метода – четкая географическая связь с Россией. Ключевой недостаток – невозможность фиксации русских, которые родились за пределами России (например, “харбинцы” родились, как правило, в Китае; или русские из стран бывшего СССР часто проходят как граждане Казахстана, Узбекистана, Украины и пр.). В 2015 г. в США проживали уже более 905 тыс. человек, родившихся за рубежом, в том числе 390 тыс., родившихся в России [10].

Третий подход – *языковая идентификация* – определяется в переписях или опросах на основе владения или использования дома русского языка. В мире владеют русским языком за пределами России около 127 млн человек [16]. Например, в США в 2010 г. 881 тыс. человек говорит дома на русском [10]. Однако последние волны эмигрантов из России очень хорошо интегрируются в принимающие общества, быстро изучают или улучшают знания английского языка и порой уже в первом поколении мало отличаются от местного населения. Во втором поколении многие потомки мигрантов из России не только говорят с акцентом на русском языке, но и не используют его дома, не интересуются ситуацией в РФ. А в третьем поколении и вообще можно констатировать такой феномен, как “угасание русского языка”. Например, представитель русской общины в Аделаиде Михаил Иванович рассказывал: “Мой сын родился в Австралии. Он говорит со мной по-русски, конечно. Но мои внуки вообще не говорят по-русски. Я пытаюсь с ними говорить. А они переходят на английский постоянно” [17]. В 2015 г. в США более 905 тыс. человек, родившихся за рубежом, говорили дома по-русски, причем 506 тыс. из них (то есть больше половины) на английском говорили прекрасно [10].

Четвертый подход – *гражданская идентификация*, она определяется на основе наличия российского гражданства. Фиксируется в ходе переписей некоторых стран. Преимущество данного метода – наличие четкого критерия – российского паспорта. Но основной недостаток заключается в том, что многие российские граждане постепенно переходят в гражданство принимающей страны и теряются для статистики. Кроме того, многие люди

сохраняют российский паспорт или получают российский паспорт для своих детей только для удобства перемещения в Россию. Среди российских граждан широкое распространение получило явление “много гражданства” (наличие нескольких паспортов). Вице-премьер по социальным вопросам правительства РФ О. Голодец в одном из выступлений привела цифры: около 817 тыс. российских сограждан имеют второе гражданство, а еще 157 тыс. – вид на жительство в других странах. ФМС оштрафовала людей, не сообщивших о втором гражданстве, на 7 млн руб. [18]

Пятый подход – *административная идентификация* – определяется на основе регистрации в российских консульских учреждениях граждан России, проживающих за границей. Преимуществом данной статистики можно считать относительную легкость фиксации и четкие критерии учета. Многие российские граждане, проживающие за рубежом, обращаются в консульские учреждения для получения новых заграничных паспортов, свидетельств о рождении детей, заверения документов, запроса официальных справок, оформления доверенностей, участия в российских выборах. Но у многих из них отсутствует мотивация обращения и регистрации в консульских структурах. Как говорилось выше, данное обстоятельство признают и сами российские дипломаты. Поэтому основным недостатком этого подхода – охват исключительно тех граждан РФ, которые имеют мотивацию к регистрации в консульстве, и, как следствие, существует их значительный недоучет.

Шестой подход – *религиозная идентификация*, которая может фиксироваться в переписях на основе самоидентификации или оценок численности прихожан русских православных церквей. Преимущество статистики: включает категорию населения, которая ориентирована на православные духовные ценности как неотъемлемую часть “русского мира”, русской культуры. Недостатки: существуют группы невоцерковленного русскоговорящего населения и атеисты (например, регулярное посещение церкви практически не свойственно молодым поколениям русскоговорящих сообществ); выпадают другие религиозные направления иммигрантов из России (такие как мусульмане, буддисты, католики и пр.); трудно учесть религиозные группы, живущие изолированно (староверы); внутри православной церкви существует раскол, разделяющий прихожан между различными церквями (Русская православная церковь и за рубежом); в статистику попадают другие этнические группы, исповедующие православие (например, греки, сербы, украинцы и пр.).

Несмотря на разнообразие материалов о русских и русскоязычных выходцах и гражданах России, нет общей методологии оценок, а также не по всем странам существует возможность получения статистики в силу особенностей проведения переписей, наличия национальных источников и данных российских консульских учреждений.

ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ ЭМИГРАЦИИ ДЛЯ РОССИИ

Эмиграция в постсоветский период существенно увеличила численность русскоговорящих общин и сформировала новый феномен “русскоязычной экономики” во многих странах мира. В глобальном мире фактор диаспоры становится элементом, обеспечивающим устойчивое развитие любого государства. Уместно привести высказывание заместителя Генерального секретаря ООН Я. Элиассона: “В настоящее время большинство стран являются одновременно странами происхождения, назначения и транзита мигрантов. Например, в России проживают 12 млн иммигрантов, около 11 млн россиян являются эмигрантами в других странах мира” [19]. Русские являются сегодня второй по численности этнокультурной группой, после китайцев, проживающей за пределами родины. И хотя русских нельзя назвать классической диаспорой, их социально-экономическое влияние в некоторых странах является достаточно значимым фактором развития принимающих стран. Кроме того, русские за рубежом представляют собой значительный социально-экономический и демографический ресурс, который может быть использован при правильном подходе в интересах развития самой России.

Однако при некоторых потенциальных плюсах эмиграция для России представляет собой прежде всего потери инициативных, энергичных, молодых, репродуктивных людей и капиталов. В науке не существует единой методики оценки потерь эмиграции. Как правило, даются экспертные оценки в контексте проблемы “утечки умов”. Например, по оценке Минобрнауки, прямые потери российского бюджета в результате эмиграции ученых и высококвалифицированных специалистов составили не менее 60 млрд долл., а отъезд за границу одного ученого “стоит” стране 300 тыс. долл. [20] По оценкам ректора Российского нового университета В. Зернова, страны Запада “сэкономили” на подготовке ученых, которые приехали из России в 1970–2000-е годы, более 1 трлн долл. [21] Согласно экспертным оценкам, материальный ущерб от эмиграции для России может составлять до 1.5 трлн долл. в год [22].

Таблица 1. Динамика эмиграции из РФ за границу в 1991–2015 гг., человек

Годы	Выезд на постоянное место жительства	Выезд на временную работу	Общая эмиграция
1991	88 281		88 281
1992	102 910		102 910
1993	493 119		493 119
1994	345 623	8083	353 706
1995	347 338	11 176	358 514
1996	291 642	12 290	303 932
1997	232 987	21 121	254 108
1998	213 377	32 507	245 884
1999	214 963	32 717	247 680
2000	145 720	45 760	191 480
2001	121 166	45 759	166 925
2002	106 685	49 265	155 950
2003	94 018	47 637	141 655
2004	79 795	56 290	136 085
2005	69 798	60 926	130 724
2006	54 061	65 747	119 808
2007	47 013	69 866	116 879
2008	39 508	73 130	112 638
2009	32 458	66 285	98 743
2010	33 578	70 236	103 814
2011	36 774	67 549	104 323
2012	122 751	64 370	187 121
2013	186 382	58 093	244 475
2014	308 475	58 093	308 475
2015	353 233	57 138	410 371
Итого	4 161 655	1 074 038	5 235 693

Источник: табл. 1–3 [4].

Мы предлагаем комплексную методику оценки социально-демографических и экономических последствий эмиграции, которая включает три вида оценок: прямые демографические потери, вклад в демографическое развитие, прямые экономические потери.

Оценка прямых демографических потерь в результате эмиграции на основе суммарной оценки численности эмигрантов на постоянное место жительства и временных трудовых эмигрантов с корректировкой данных на основе статистики принимающих стран. Во внимание приняты оба компонента, поскольку исследование показывает, что временные формы миграции часто переходят в постоянную. Вместе с тем в случае РФ не учтенные формы постоянной эмиграции условно компенсируются временной трудовой эмиграцией. Расчеты показывают, что в 1991–2015 гг. Россию покинуло около 5.3 млн человек (табл. 1). Однако если данные скорректировать на основе статистики

принимающих государств, то данную цифру следует увеличить как минимум в 2 раза, то есть реальные масштабы эмиграции из России могли составлять не менее 10–11 млн человек. Учитывая, что каждый четвертый эмигрант имел высшее образование, то прямые демографические потери высококвалифицированных специалистов составили 2.5–2.75 млн человек.

Оценка роли эмиграции в демографическом развитии страны может быть дана на основе показателя отношения эмиграции к иммиграции (“эмиграционный коэффициент”), а также на основе оценки вклада эмиграции в общий прирост населения на основе “эмиграционного коэффициента”. Был рассчитан “эмиграционный коэффициент” в России за 1991–2015 гг. (выражался значением менее 1, поскольку на протяжении этих лет уровень эмиграции всегда был ниже уровня иммиграции) (табл. 2). Максимальным значение “эмиграционного коэффициента” было в 1991 г. – 0.976,

Таблица 2. Динамика эмиграции, иммиграции и миграционного прироста в РФ в 1991–2015 гг., человек

Годы	Иммиграция	Эмиграция	Миграционный прирост	Отношение эмиграции к иммиграции
1991	692 238	675 497	227 371	0.976
1992	926 020	673 143	386 389	0.730
1993	923 280	483 028	375 838	0.523
1994	11 91 355	345 623	877 532	0.290
1995	866 857	347 338	603 198	0.401
1996	647 026	291 642	443 296	0.451
1997	597 651	232 987	391 127	0.390
1998	513 551	213 377	321 198	0.416
1999	379 726	214 963	184 022	0.566
2000	359 330	145 720	241 755	0.406
2001	193 450	121 166	81 781	0.626
2002	184 612	106 685	87 149	0.578
2003	129 144	94 018	43 884	0.728
2004	119 157	79 795	41 275	0.670
2005	177 230	69 798	107 432	0.394
2006	186 380	54 061	132 319	0.290
2007	286 956	47 013	239 943	0.164
2008	281 614	39 508	242 106	0.140
2009	279 907	32 458	247 449	0.116
2010	191 656	33 578	158 078	0.175
2011	356 535	36 774	319 761	0.103
2012	417 681	122 751	294 930	0.294
2013	482 241	186 382	295 859	0.387
2014	578 511	308 475	270 036	0.533
2015	598 617	353 233	245 384	0.590

а минимальным – в 2011 г. – 0.103. Динамика “эмиграционного коэффициента” характеризует неоднородность вклада эмиграции в миграционный прирост, а также помогает идентифицировать волны эмиграции в несколько иных временных интервалах. Первый этап эмиграции – с 1991 по 2004 г., когда “эмиграционный коэффициент” изменялся в диапазоне 0.976–0.670. Второй этап – 2005–2011 гг. – изменения от 0.394 до 0.103. Третий этап – 2012–2015 гг. – отмечен увеличением эмиграционного коэффициента с 0.294 до 0.590.

Для более детальной оценки вклада эмиграции в общий прирост населения произведено сравнение “эмиграционного коэффициента” с ключевыми показателями демографической динамики (общим, естественным и миграционным приростом). Численность населения России начала сокращаться с 1993 г., в тот год “эмиграционный коэффициент” составил 0.523, то есть эмиграция наполовину снижала миграционный прирост, который в свою очередь в основном компенсировал демографические потери в результате депопуляции. В 1994 г.

миграционный прирост компенсировал естественную убыль российского населения, даже отмечался положительный общий прирост населения на уровне 104 тыс. человек (табл. 3). Именно в 1994 г. “эмиграционный коэффициент” достиг “дна” (0.290). То есть роль эмиграции в демографическом развитии страны была незначимой. Далее он повышался, иногда весьма значительно, роль эмиграции стала более значимой, “обеспечивая” потери населения России. С 1995 г. в демографической ситуации наступает “черная полоса”: численность населения сократилась, в том числе “благодаря” эмиграции. “Эмиграционный коэффициент” в 2003 г. достиг максимума – 0.728 (табл. 2). В том же году убыль населения составила –795.4 тыс. человек (табл. 3). Это был своеобразный российский “антирекорд”. Миграционный прирост не мог компенсировать резко возросшей естественной убыли населения. В 2004–2008 гг. в России отмечалась естественная убыль населения, но масштабы ее постепенно сокращались. Отрицательный вклад эмиграции на этом фоне также становился

Таблица 3. Динамика численности и компоненты изменения численности населения РФ в 1991–2015 гг., тыс. человек

Годы	Численность населения на 1 января соответствующего года	Изменения за год			Численность на 31 декабря соответствующего года	Общий прирост за год, %
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост		
1990	147 665.1	608.6	333.6	275.0	148 273.7	0.41
1991	148 273.7	241.0	104.9	136.1	148 514.7	0.16
1992	148 514.7	47.0	–219.2	266.2	148 561.7	0.03
1993	148 561.7	–205.8	–732.1	526.3	148 355.9	–0.14
1994	148 355.9	104.0	–874.0	978.0	148 459.9	0.07
1995	148 459.9	–168.3	–822.0	653.7	148 291.6	–0.11
1996	148 291.6	–263.0	–776.5	513.5	148 028.6	–0.18
1997	148 028.6	–226.5	–740.6	514.1	147 802.1	–0.15
1998	147 802.1	–262.7	–691.5	428.8	147 539.4	–0.18
1999	147 539.4	–649.3	–918.8	269.5	146 890.1	–0.44
2000	146 890.1	–586.5	–949.1	362.6	146 303.6	–0.40
2001	146 303.6	–654.3	–932.8	278.5	145 649.3	–0.45
2002	145 649.3	–685.7	–916.5	230.8	144 963.6	–0.47
2003	144 963.6	–795.4	–888.5	93.1	144 168.2	–0.43
2004	144 333.6	–532.6	–793.0	260.4	143 801.0	–0.37
2005	143 801.0	–564.4	–846.5	282.1	143 236.6	–0.39
2006	143 236.6	–373.9	–687.1	313.2	142 862.7	–0.26
2007	142 862.7	–115.2	–470.3	355.1	142 747.5	–0.08
2008	142 747.5	–10.3	–362.0	351.7	142 737.2	–0.01
2009	142 737.2	96.3	–248.9	345.2	142 833.5	0.07
2010	142 833.5	31.9	–239.6	271.5	142 865.4	0.02
2011	142 865.4	191.0	–129.1	320.1	143 056.4	0.13
2012	143 056.4	290.7	–4.3	295.0	143 347.1	0.20
2013	143 347.1	320.0	24.0	296.0	143 666.9	0.22
2014	143 666.9	300.4	30.3	270.1	146 300.0 ¹	

¹ Численность населения на 1 июля 2015 г. Включает население Республики Крым.

менее значимым. Как показано в табл. 2, “эмиграционный коэффициент” к 2008 г. сократился до 0.140. В период относительной демографической стабилизации (2009–2014 гг.) в стране постепенно повышался показатель общего прироста населения, “эмиграционный коэффициент” существенно снизился (0.116–0.103 за 2009–2011 гг.). Однако в связи с изменением системы учета миграции в России, началось новое увеличение “эмиграционного коэффициента”. И в 2015 г. он стал 0.590. Таким образом, эмиграция наполовину снижала вклад миграционного прироста в общий прирост населения.

Оценка прямых экономических потерь эмиграции через расчет потерь валового внутреннего продукта (ВВП). Эмиграционные потери были переведены через ВВП на душу населения в денежный эквивалент. Согласно расчетам, за 1998–2014 гг. численность эмигрантов составила 2.8 млн человек, а экономические потери – 510.8 млрд руб. (табл. 4).

На фоне номинального ВВП России (в 2014 г. – 403 трлн руб.) это не столь большая цифра. Но надо иметь в виду, что это приблизительные оценки, основанные на усредненном показателе. Естественно, потери от эмиграции ученых, высоко- и квалифицированных специалистов значительно выше, поскольку эмиграция сопровождается потерями научных школ, исследований, разработок, ноу-хау и других видов интеллектуальной продукции [23].

ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Советское государство рассматривало эмиграцию по принципу “Нет человека – нет проблемы”. В лучшем случае об эмигрантах не упоминалось, в худшем – они считались “предателями Родины”. После распада СССР и начала массовой эмиграции пренебрежительное отношение сменилось безразличным: российские граждане, оказавшиеся за границей в трудной ситуации, не всегда могли

Таблица 4. Оценка экономических потерь России в результате эмиграции в 1998–2014 гг.

Годы	Общая эмиграция, человек	ВВП в текущих ценах, млрд руб.	ВВП на душу населения, руб.	Экономические потери в результате эмиграции, руб.
1998	245 884	2 629.6	15 371.1	3 779 507 552
1999	247 680	4 823.2	26 200.5	6 489 339 840
2000	191 480	7 305.6	39 532.3	7 569 644 804
2001	166 925	8 943.6	49 474.8	8 258 580 990
2002	155 950	10 830.5	60 611.4	9 452 347 830
2003	141 655	13 208.2	74 840.5	12 601 531 028
2004	136 085	17 027.2	97 691.9	13 294 402 212
2005	130 724	21 609.8	125 658.7	16 426 607 899
2006	119 808	26 917.2	157 233.0	18 837 771 264
2007	116 879	33 247.5	195 819.0	22 887 128 901
2008	112 638	41 276.8	237 552.2	26 757 404 704
2009	98 743	38 807.2	224 163.3	22 134 556 732
2010	103 814	46 308.5	263 828.6	27 389 102 280
2011	104 323	55 967.2	317 515.3	33 124 148 642
2012	187 121	62 218.4	348 641.5	65 238 146 122
2013	244 475	66 755.3	377 006.0	92 168 541 850
2014	308 475	70 975.0	403 178.9	124 370 611 178
Итого	2 812 659			510 779 373 828

Источник: разработка авторов; [4].

получить помощь и поддержку государства. Только в середине 2000-х годов РФ стала налаживать диалог с “русской диаспорой”. С 2007 г. начала действовать Государственная программа возвращения соотечественников в Россию, стали выделяться средства на их поддержку. Однако российское государство не имеет представления о реальных масштабах и структуре эмиграции, а также о русскоговорящих сообществах за рубежом. Практически ничего неизвестно о каналах эмиграции, стратегиях поведения эмигрантов, их ориентирах на возвращение в Россию. В государственных документах используется собирательный термин “соотечественники”, который не учитывает исторической, культурной, социальной и географической специфики русскоговорящих сообществ. Между тем соотечественники очень многокомпонентный социокультурный феномен, который включает эмигрантов различных волн, несколько поколений, часть из которых родились в странах проживания, в разной степени владеющих русским языком, с разными ориентациями на Россию. Программы же поддержки соотечественников лишены единой стратегии, не учитывают реальные потребности русскоговорящих общин, реализуются в отрыве от ситуации в странах их проживания, а следовательно, неэффективны. В большинстве своем они представляют собой набор стандартных мероприятий при посольствах, на которые выделяются

значительные деньги из федерального бюджета. Даже такие структуры, как Фонд “Русский мир” и “Россотрудничество”, которые, казалось бы, должны быть более гибкими в вопросах поддержки культурной, научной, образовательной деятельности русскоговорящих общин, зачастую используют устаревшие подходы, а порой и неправильные методы работы. В ходе полевых исследований в разных странах экспертами неоднократно высказывались мнения относительно отсутствия поддержки реально работающих курсов русского языка, важных культурных, научных и образовательных мероприятий, публикационных проектов. В то же самое время в федеральном бюджете выделяются значительные средства на работу с соотечественниками, но получается, что до них они часто не доходят. Совершенно неудивительно, что многие выходцы из России и их потомки не хотят общаться с российскими государственными институтами.

Можно выделить несколько ключевых проблем в данной сфере. Во-первых, идея привлечь соотечественников в Россию на практике обернулась проблемами для многих из них в вопросах получения российского гражданства. Имеется много примеров, когда, вернувшись в Россию, люди не могут годами стать ее гражданами, не могут получить земельные участки (например, староверы в Приморском крае). Во-вторых, идея возвращения выдающихся российских ученых-эмигрантов полностью

дискредитировала себя на фоне бедственного положения и мизерной оплаты труда российских ученых, которые чудом сохранили научные школы, не эмигрировав ранее. В-третьих, запрет на усыновление детей гражданами США (закон “Димы Яковлева”) выглядит крайне странным на фоне колоссального количества брошенных детей в России, которые никому не нужны и не будут никогда усыновлены российскими гражданами. В-четвертых, необходимость декларации наличия второго гражданства и банковских счетов в зарубежных банках для российских граждан может подтолкнуть к эмиграции некоторую часть населения страны. В-пятых, многие действия государства по работе с соотечественниками носят разнонаправленный характер с шагами в области социально-экономического развития. Привлечение и использование ресурсов русскоговорящих сообществ должны быть не самоцелью, а дополняющим инструментом развития РФ.

К сожалению, предпринимаемые российскими властями в последние годы перечисленные шаги (пожалуй, только за исключением программы возвращения соотечественников) концептуально не вписаны ни в экономическую, ни в демографическую, ни в миграционную политику государства [24]. Например, в Концепции миграционной политики России до 2025 г. эмиграция упоминается только в одном предложении: “Эмиграция из страны продолжается”, никакого рецепта ее сокращения не предлагается. Между тем необходима разработка комплекса мер по сокращению “выталкивающих” факторов эмиграции из России и механизмов эффективного взаимодействия с русскоговорящими сообществами за рубежом.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-10435.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Рязанцев С. В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? *Социологические исследования*, 2016, № 12, сс. 93-104. [Ryazantsev S. V. Emigranty iz Rossii: russkaya diaspora ili russkogovoryashchie soobshchestva? [Emigrants from Russia: Russian Diaspora or Russian-speaking community?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 12, 2016, pp. 93-104.]
2. Рязанцев С. В. Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии. *Социологические исследования*, 2017, № 8, сс. 67-73. [Ryazantsev S. V. Russkoyazychnye migranty v Yugo-Vostochnoi Azii [Russian-speaking migrants in South-East Asia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 8, pp. 67-73.]
3. *Все больше россиян задумываются об эмиграции: Результаты исследования Исследовательского холдинга Ромир (2012)*. [More and more Russians are thinking about emigration: Results of the research of the Research Holding Romir (In Russ.)] Available at: http://romir.ru/studies/390_1348084800 (accessed 23.08.2017).
4. *Численность и миграция населения Российской Федерации*. Москва, Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2016. [The Size and Migration of the Population of the Russian Federation. Moscow, Rosstat (In Russ.)] Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (accessed 02.02.2018).
5. *International Migration Outlook 2013*. Paris, OECD Publishing, 2013. Available at: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2013-en (accessed 25.08.2017).
6. Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России. *Экономика региона*, 2016, т. 12, вып. 2, сс. 499-509. [Iontsev V. A., Ryazantsev S. V., Iontseva S. V. Novye tendentsii i formy emigratsii iz Rossii [New trends and forms of emigration from Russia]. *Ekonomika regiona*, 2016, no. 12, vol. 2, pp. 499-509.] DOI:10.17059/2016-2-15
7. Рязанцев С. В. Новая русская диаспора: условия формирования, идентичность и ассимиляция. *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*, 2010, № 5, сс. 83-88. [Ryazantsev S. V. Novaya russkaya diaspora: usloviya formirovaniya, identichnost' i assimilyatsiya [The New Russian Diaspora: Conditions of Formation, Identity and Assimilation]. *Nauchnoe obozrenie, Seriya 1, Ekonomika i pravo*, 2010, no. 5, pp. 83-88.]
8. *Информация Консульского департамента МИД России, 2016*. [Information of the Consular Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs, 2016 (In Russ.)] Available at: <http://www.kdmid.ru/opendata/default1.aspx> (accessed 25.08.2017).
9. Платонова Е. Пенсионеров разделили на своих и чужих. *Газета.Ру*, 2016. [Platonova E. Pensionerov razdelili na svoikh i chuzhikh [The pensioners were divided on their own and others']. *Gazeta.Ru*, 2016.] Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2016/09/20/10206545.shtml> (accessed 25.08.2017).
10. *United States: State Immigration Data Demographics & Social Profiles*, 2014, Washington DC, Migration Policy Institute. Available at: <http://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/demographics/US> (accessed 25.08.2017).

11. *Yearbook of Immigration Statistics 2014*, Washington DC, US Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics. Available at: <https://www.dhs.gov/yearbook-immigration-statistics-2014-lawful-permanent-residents> (accessed 25.08.2017).
12. *Yearbook of Immigration Statistics 2013*, Washington DC, US Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics. Available at: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ois_yb_2013_0.pdf (accessed 25.08.2017).
13. Ryzantsev S. V. The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 3, pp. 155-163.
14. *Population: Statistical Abstract of the United States 2012*, US Census Bureau, Suitland. Available at: <http://istmat.info/node/41192> (accessed 25.08.2017).
15. Захарова М. Ответные меры Москвы не коснутся проживающих в США соотечественников и простых американцев. [Zakharova M. *Otvetnyye меры Moskvy ne kosnutsya prozhivayushchikh v SShA sootечestvennikov i prostykh amerikantsev* [Moscow's response measures will not affect compatriots living in the US and ordinary Americans]] Available at: <https://www.vksrs.com/news/mariya-zakharova-otvetnye-meru-moskvy-ne-kosnutsya-prozhivayushchikh-v-ssha-sootечestvennikov-i-pro/> (accessed 24.08.2017).
16. *Программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, от 19 ноября 2014 г.* [The Program of Work with Compatriots Living Abroad of 19 November 2014 (In Russ.)] Available at: http://rs.gov.ru/sites/default/files/programma_raboty_s_sootech_2015-2017_3.pdf (accessed 24.08.2017).
17. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Возможности статистической идентификации и оценка интеграции “русскоязычной” общины (на примере Австралии). *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*, 2012, № 6, сс. 58-64. [Ryzantsev S. V., Pis'mennaya E. E. *Vozmozhnosti statisticheskoi identifikatsii i otsenka integratsii “russkoyazychnoi” obshchiny (na primere Avstralii)* [Features Statistical Identification and Evaluation of Integration of “Russian-Speaking” Community (example of Australia)]. *Nauchnoe obozrenie, Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 6, pp. 58-64.]
18. Голодец О. Около 817 тысяч россиян имеют двойное гражданство. *Газета.Ру*, 02.10.2017. [Golodets O. *Okolo 817 tysyach rossiyan imeyut dvoinoe grazhdanstvo* [About 817 thousand Russians have dual citizenship]. *Gazeta. Ru*, 02.10.2017.] Available at: https://www.gazeta.ru/social/news/2015/10/02/n_7659191.shtml (accessed 24.08.2017).
19. *Пресс-конференция заместителя Генерального секретаря ООН Я. Элиассона*. Нью-Йорк, 12 января 2016. [Press Conference of Deputy UN Secretary-General J. Eliasson (In Russ.)] New York, 2016, January, 12. Available at: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.V3jXmIt5kW3> (accessed 24.08.2017).
20. Киреев М. Исход ученых умов. *Der Spiegel*, 08.10.2010. [Kireev M. *Iskhod uchenykh umov* [Exodus of the brain drain]. *Der Spiegel*, 08.10.2010.] Available at: <https://www.inopressa.ru/article/08Oct2010/spiegel/science.html> (accessed 24.08.2017).
21. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: “циркуляция” или “утечка” умов. *Социологические исследования*, 2013, № 4, сс. 24-34. [Ryzantsev S. V., Pis'mennaya E. E. *Emigratsiya uchenykh ikh Rossii: “tsirkulyatsiya” ili “utechka” umov* [Emigration of scientists from Russia: “circulation of thought” or “brain drain”?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, no. 4, pp. 24-34.]
22. Трифанова Е. Граждане копят деньги на переезд. *Независимая газета*, 10.08.2017. [Trifanova E. *Grazhdane kopyat den'gi na pereezd* [Citizens save money to move]. *Nezavisimaya gazeta*, 10.08.2017.]
23. Осипов Г. В., Рязанцев С. В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы. *Вестник Российской академии наук*, 2014, т. 84, № 11, сс. 963-972. [Osipov G. V., Ryzantsev S. V. *Demograficheskaya a politika v Rossii: transformatsiya, rezul'taty, perspektivy* [Demographic Policy in Russia: Transformations, Results, and Prospects]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2014, vol. 84, no. 11, pp. 963-972.]
24. Ryzantsev S. V. Russia Needs a New Migration Policy. *Russian Politics and Law*, 2013, vol. 51, issue 3, pp. 80-85.

**MODERN EMIGRATION FROM RUSSIA
AND FORMATION OF RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES ABROAD**
(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 6, pp. 93-107)

Received 28.08.2017.

Sergey V. RYAZANTSEV (riazan@mail.ru),
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation; Institute for Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, 6, build. 1, Fotievoi Str., Moscow 119333, Russian Federation.

Elena E. PIS'MENNAYA (nikitaR@list.ru),
Financial University under the Government of the Russian Federation, 53, Leningradskii Prosp., Moscow 125993, Russian Federation;

Institute for Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences, 6, build. 1, Fotievoi Str., Moscow 119333, Russian Federation.

Artem S. LUK'YANETS (artem_ispr@mail.ru),
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation;

Institute for Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences, 6, build. 1, Fotievoi Str., Moscow 119333, Russian Federation.

Svetlana Yu. SIVOPLYASOVA (svetlankamos84@rambler.ru),
Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe Shosse, Moscow 125993, Russian Federation;

Institute for Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences, 6, build. 1, Fotievoi Str., Moscow 119333, Russian Federation.

Marina N. KHRAMOVA (kh-mari08@yandex.ru),
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation;

Institute for Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences, 6, build. 1, Fotievoi Str., Moscow 119333, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 16-18-10435.

The article identifies and describes three new waves of emigration from Russia after the collapse of the USSR on the basis of prevailing push factors and the socio-demographic structure of emigrant flows. The authors examine regional and socio-demographic features of modern emigration flows from Russia. It is noted that the socio-economic factors which determine these emigration processes are becoming more significant. The article considers the shortcomings of national and foreign sources of statistical data on the number of Russian emigrants. An approximate estimate of the number of Russian-speaking migrants outside of the country is provided on the basis of comparison between domestic and foreign statistical sources. The geography of migration flows from Russia are revealed, including a description of priority countries for the resettlement of Russian emigrants. The peculiarities of their employment, resettlement, socio-economic adaptation are highlighted. The features of resettlement and employment of Russian citizens in various regions and countries of the world are noted. The main channels of emigration are estimated. Emigration channels for permanent residence and temporary labor migration are singled out. New channels of emigration are also described: marriage emigration, the adoption of children by foreign citizens, educational emigrants, refugees and others. Several approaches to the identification of the Russian-speaking population abroad, which are used by experts and state structures, are described. There are several types of identification of Russian-speaking migrants abroad based on different approaches. The consequences of emigration for the Russian Federation are singled out on the basis of three methods of estimating economic losses. A certain evolution of the emigration policy of Russia during the recent history of the country is considered. In particular, the transition of the immigration policy from an indifferent attitude towards emigrants and the diaspora to an active interaction with them is noted.

Keywords: emigration, Russian-speaking communities, trends, consequences, Russia, factors, emigration waves, consequences, economic estimates, demographic losses.

About authors:

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor; Head of the Department of Demographic and Migration Policy; Director.

Elena E. PIS'MENNAYA, Doctor of Sociology, Associate Professor; Professor at the Department of Sociology; Leading Researcher at the Center for Social Demography.

Artem S. LUK'YANETS, Candidate of Economics; Associate Professor, Department of Demographic and Migration Policy; Leading Researcher at the Center for Social Demography.

Svetlana Yu. SIVOPLYASOVA, Candidate of Economics, Leading Researcher at the Center for Social Demography.

Marina N. KHRAMOVA, Candidate of Physics and Mathematics; Associate Professor, Department of Demographic and Migration Policy; Leading Researcher at the Center for Social Demography.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107